

Алексей Загуляев

Зачарованный грот

Алексей Николаевич Загуляев

Зачарованный грот

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72053218

SelfPub; 2025

Аннотация

Следователь Артём Гусев после окончания института приезжает на практику в одно из ленинградских отделений. Едва успев познакомиться с новыми сослуживцами, он отбывает с заданием в далёкую уральскую деревушку, где, по свидетельствам очевидца, обнаружили девочку, пропавшую из Ленинграда месяц назад. Кто-то видел её бродящей по заброшенному деревенскому кладбищу. Простое на первый взгляд поручение вовлекает Артёма в круговорот мистических событий с непредсказуемым финалом.

Алексей Загуляев

Зачарованный грот

Жизнь проходит, – вечен сон.

Хорошо мне, – я влюблен.

Жизнь проходит, – сказка – нет.

Хорошо мне, – я поэт.

Душен мир, – в душе свежо.

Хорошо мне, хорошо.

Константин Бальмонт, «Зачарованный грот»

Ленинград. Май 1990 г.

Всё у Артёма пошло насмарку. Он, конечно, и не надеялся, что в отделении к нему отнесутся с каким-то особенным интересом. Он здесь новенький, никакими полезными связями не обременённый. Сразу из института направили в Ленинград на шестимесячную практику, чтобы, так сказать, надёжнее закрепить в реалиях то, что осело в голове пока лишь в виде стройных теорий. А потом по результатам решат, что делать с младшим лейтенантом Артёмом Гусевым дальше.

А на дворе конец мая, стрижи прилетели. Половина отдела успела смыться в двухнедельные отпуска, в том числе и основной следователь, с которым должен был работать в качестве практиканта Артём. Никому из оставшихся не хотелось переться в чёрту на кулички, куда Артёма на третий же

день и послал майор Комов.

Майор был, как ни странно, самым приветливым из всех, с кем Артём успел познакомиться на новом месте. Хороший мужик. Даже как-то чересчур хороший для своей должности. Он не был ни груб, ни строг, никогда не позволял себе скользких шуточек или обидных слов. Но, насколько понял Артём, подчинённые его уважали. Безотчётно зауважал начальника и Артём. Поэтому и принял внезапную командировку смиренно, уверенный в том, что если уж его посылают в дыру, значит, обстоятельства действительно не предполагают никаких других вариантов.

– Дело такое, лейтенант, – сказал майор, – сгонять нужно в Ветугу и вернуть одной мамаше её сбежавшую дочку. Есть сведения, что она шляется там по заброшенному кладбищу.

Поначалу услышанное от майора показалось Артёму шуткой. Какая ещё Ветуга? Какая мамаша? Какое кладбище? По выражению лица Комова он ничего не мог понять. Физиономия майора выглядела помятой, выпученные глаза ничего, кроме душевных страданий, не выражали. Вряд ли с такой мимикой можно было о чём-то шутить.

Именно эти три вспыхнувших вопроса Артём и хотел озвучить, но майор, поняв недоумение лейтенанта, его опередил:

– В розыске была девочка. Алиса Тараева. С месяц уж как. Объявился свидетель, якобы видевший её на местном кладбище.

– В Ветыге?

– В Ветыге. Это за Уралом.

– А тамошняя милиция что? А опека?

Майор тяжело вздохнул.

– Скинули сверху именно в наш отдел. Я лишних вопросов не задавал. Да и тебе не советую. Ты уж не обессудь, что приходится из огня да в полымя. Сам видишь, – майор развёл руками, – все в отпусká посрывались. Огороды, шашлыки, сморчки наконец. Карáмба, одним словом. Оформишь у Лизы командировку. Завтра в восемнадцать ноль ноль поезд. Всё ясно?

– Так точно, – буркнул Артём, понимая, что его новое знакомство с Наташей, симпатичной кассиршей из универсама, накрывается медным тазом. Именно завтра и именно в восемнадцать ноль ноль они договорились о встрече в ресторанчике на пристани. Артёму не терпелось как можно быстрее освоиться на новом месте, а тут такое.

– И это... – добавил майор, когда Артём уже открыл дверь. – Будь аккуратней. Если возникнут трудности, звони прямо мне в отделение. Лишнего на себя не бери. Ступай.

В общем, всё у Артёма пошло насмарку...

Поезд продирался по таёжным тропам, окружённым нависающими стенами мокрого от дождей леса. Как только перевалили Урал, так и продырявило небо. Низкие тучи почти касались верхушек сосен и поглощали все звуки – даже стук

колёс и лязг вагонных суставов больше походили на глухое ворчание старика, которого в очередной раз заставили волочиться в эту непролазную глушь.

Артём точно слился с этой вездесущей тоской и никак не мог придти в сознание, каждые полчаса погружаясь в свинцовую дрему, изредка прерываемую плачем ребёнка в соседнем купе или раскатом грома за оплывшим от тяжёлых капель ливня окном.

Это оцепенение не отпускало всю дорогу, почти трое суток, пока поезд не уткнулся в конечную – город Касли. В главном городском отделении Артём получил все нужные документы и дополнительные инструкции, касающиеся дела, и далее на замызганном автобусе в соседстве с тремя молчаливыми пассажирами добрался до нужного пункта – до Ветыги.

Вряд ли эту Ветыгу можно было назвать посёлком. Да и на деревню она не тянула, поскольку представляла собой полуживое пятно на краю болота, состоящее из пяти домов, два из которых и вовсе много лет, судя по виду, пустовали. На окнах не было стёкол, в ржавых крышах зияли дыры, заборы чёрным веером клонились к земле, обнажая взъерошенные кусты сирени.

Одним из попутчиков оказался хозяин крайнего от автобусной остановки дома. Звали его Филиппыч. Пока шли по размытой в кашу тропе до околицы, он вкратце объяснил Артёму его плачевное положение.

– Я тут, почитай, сорок годов живу. Застал ещё те времена, когда дворов в деревне насчитывалось двенадцать. Да. Ферма своя имелась, поле колхозное. Многие пчёл держали. Ну и так, по мелочи что: куры там, гуси, индюки, знаешь. Ага. Сейчас только у Федуловой две козы.

– А вы Потапова знаете? – спросил Артём.

– Потапа-то? Ну а как же. Дом у него аккурат возле болота. Да не то чтобы дом. Так, домишко, того и гляди рухнет. Стар уж Потап-то. На пять годков старше меня будет. А мне в августе, почитай, семьдесят пять. А зачем Потап-то тебе? Родственник ты ему?

– Да нет. Он говорит, что девочку на кладбище видел. А мы эту девочку как раз ищем. Потерялась она. Слышали чего о таком?

Филиппыч остановился. Нахмурился. Покачал головой.

– Что-то не так? – спросил Артём.

– Стало быть, – снова заговорил дед, – ты из милицейских что ль будешь?

– Из них.

– Девочку я сам-то не видел. А коли Потап сказал, у него и осведомляйся. А в звании-то ты кто будешь?

– Младший лейтенант.

– Понятно. Ну, я и пришёл. Вот хата моя. А сам-то ты городской?

– Нет. Из Питера я. Трое суток в поезде.

– Мать моя. Из самого Ленинграда. А ночевать-то где ду-

маешь? В городе?

– Да не сподручно мне каждый день мотаться туда-сюда. Думал, здесь где-нибудь перекантовать. Или не вариант?

Филиппыч пристально всмотрелся в лицо Артёма. Подумал о чём-то своём и сказал:

– Если удержишься, можешь переночевать у меня. Парень ты, вижу, правильный. А я один живу, мне не жалко.

– Спасибо.

– Да не на чем, – мотнул головой дед. – Давай ладом.

Филиппыч козырнул, ещё раз помотал головой и повернул в сторону своего дома.

Дождь наконец прекратился. Сквозь рваные тучи временами стало выглядывать солнце. Разбухшая от влаги земля парила от его жара, и создавалось впечатление, будто Артём шёл по тлеющему мокрым углём полю.

Дом Арсения Михайловича, которого Филиппыч называл по-свойски Потапом, и в самом деле больше походил на большую собачью будку: деланный-переделанный, с одним единственным окном, наполовину заколоченным железным листом, он почти разламывался напополам по одному из углов. В зимнюю стужу, подумал Артём, Арсению Михайловичу приходится, пожалуй, несладко.

Лейтенант не сразу заметил пса, слившегося тёмно-рыжим окрасом с такого же цвета стеной. Лохматый, в спутанных колтунах, он хрипло выдавил из себя несколько басы-

стых «хам, хам», сам при этом оставаясь странным образом неподвижным. Только голова его слегка дёргалась, опущенная почти до земли и совершенно непостижимым образом повёрнутая градусов на шестьдесят вбок.

В доме послышалась возня, и через минуту на пороге показался приземистый мужичок, лысый, с внушительным животом, очень короткими руками и широченным носом, затмевающим собой все остальные черты лица.

– Цыц, Ракета! – цыкнул он на пса, и тот охотно умолк, потому как и не стремился лишний раз напрягаться.

– Вы ко мне? – обратился мужчина к Артёму.

– Арсений Михайлович?

– Да. Потапов. А вы?

– Из милиции. По вашему заявлению. Насчёт девочки.

– Наконец-то, – всплеснул короткими руками Потап. – Проходите в дом. Я вам всё объясню. Ракету не бойтесь. Не кусит. Он у меня вместо звонка. Старый. Поди уж лет тридцать как должен был помереть.

– Хам, – снова прохрипел пёс, на этот раз адресуя своё возмущение хозяину.

Арсений Михайлович усмехнулся и скрылся в доме.

Артём с опаской проследовал вслед за ним, однако Ракета и в самом деле больше не обратил на гостя никакого внимания.

Внутри дома обстановка разительным образом отличалась от того, что было снаружи. Здесь царил идеальный по-

рядок: на чистом, свежеевыкрашенном полу лежали ковровые дорожки, вдоль стен аккуратно были расставлены шкафы – какие-то с витиеватой посудой, какие-то с книгами, а один, центральный, оказался заполнен сувенирами и кубками, видимо, когда-то завоёванными кем-то из хозяев в спортивных соревнованиях. Это противоречие между внешним и внутренним озадачило Артёма, и он несколько минут, теряясь в нескладных мыслях, не мог начать разговор.

– Чай будете? – спросил Арсений Михайлович.

– Пожалуй, – согласился Артём.

– Может, что-нибудь и покусаете?

– Нет-нет, спасибо. Это было бы лишним. Прежде всего дело, а потом уже подумаю и о бренном.

– Значит, прямо с поезда, говорите?

– Я такого не говорил.

– Ну, по всему видно, что издалека, не из Касли. Или я не прав?

– Правы.

– Да вы присаживайтесь. В ногах правды нет. Сейчас чаю организую и поговорим о деле. Я так понимаю, вы полагаете очень быстро здесь со всем разобраться и унести из этой дыры ноги.

– Хотелось бы, – согласился Артём. – А могут возникнуть сложности?

Арсений Михайлович опять усмехнулся.

– Надеюсь, что не особо много, – сказал он. – Но всё же на

вашем месте я бы не стал суетиться. Дело не такое простое, как может показаться на первый взгляд.

– И в чём проблема?

Потап разлил по чашкам ароматный чай, подвинул ближе к Артёму пиалу с земляничным вареньем и сел напротив.

Эта пиала привлекла внимание лейтенанта. Она явно была не из дешёвых, в универмаге или на барахолке такого точно не купишь. Впрочем, как и чашки, в которые Арсений Михайлович разливал чай, и блюдца под ними.

– Фото этой девочки, – начал Потап, – я увидел в городе, когда по одному делу заезжал в тамошнее отделение. Больно уж запоминающееся у неё лицо. Красивое очень. Не по-детски красивое. А потом на кладбище с ней и столкнулся. Вот прямо на таком расстоянии, как мы сейчас с вами сидим. Струхнул, честно говоря. К этакой красоте её добавилось что-то иное. Знаете, нездешнее и в своей нездешности очень жуткое. Если бы фото днём раньше не видел, то подумал бы, что упыря восставшего встретил. Ей богу. – Арсений Михайлович перекрестился и замолчал.

– Так вы уверены, – прервал паузу Артём, – что это была именно она?

– Да-да. В этом можете не сомневаться. Вы уж простите за излишнюю художественность моего повествования. Но я к тому, что вы и сами почувствуете на себе это. Вы должны быть готовы к такому морально. Вы вареньеце-то кушайте. И чаёк у меня на травах. В городе такого не сыщете. Быстро

взбодрит и мысли направит в нужное русло. Пейте, пейте.

– Спасибо.

Артём зачерпнул серебряной ложкой варенье и попробовал. Действительно, вкус его даже как-то обжѐг нѐбо. Артём запил чаем, пытаясь заглушить остроту вкуса, но тот сделался от этого только ещё острее.

– Кладбище наше, – продолжил Арсений Михайлович, – старое. Давно уже заброшенное. Так-то и в голову никому не придѐт туда соваться. Последние двадцать лет местные увозят своих покойников в город. А у меня супруга, царство ей небесное, три года назад почѐла. А денег на все эти ритуалы и перевозки, как вы, наверное, успели заметить, я не имею. Пенсия никакая. А из близких помочь некому – сын погиб ещё совсем молодым, а дочка укатила в столицу и там пропала с концами, ни слуху ни духу. Нас тут трое в Ветѣ мыкаться и осталось. Вы, наверное, с Филиппычем познакомиться уже успели?

– Да. Он меня к вам и направил.

– Хороший мужик. Хоть и сам себе на уме. Так вот... О чём же я... О кладбище-то. В общем, супругу свою там я и схоронил, потому время от времени и хожу туда могилку поправить да прежнюю жизнь благословенную помянуть. Вот в одном из таких походов я и столкнулся с девчонкой. И можете не сомневаться, что это именно та, фото которой висит в городском отделении. И чем ей только это кладбище приглянулось? В деревне три дома пустуют, а она скитается по-

среди могил.

– Спасибо за угощение, – поблагодарил Артём, допив чай. – И если вас не затруднит, не могли бы вы мне рассказать, как я могу до вашего кладбища добраться?

– Прямо сейчас? – встрепнулся Арсений Михайлович, взглянув на напольные часы, затесавшиеся между двумя шкафами.

– Ну да. А что мы будем тянуть. Ребёнок там один, бог знает сколько уже времени холодный и голодный. Нам с ней ещё три дня трястись в поезде.

Арсений Михайлович нахмурился и потупил взор, превратившись в восковую фигуру. На его лысом черепе напряглись вены.

Артём воспользовался моментом и посмотрел на обратную сторону блюбочка. На ней оказалась вдавленная печать со всадником на коне и надписью «ГАРДНЕР».

«Однако..» – пронеслось в голове у Артёма. Вещь была однозначно очень старинная и дорогая.

– Поздно уже теперь, – сказал наконец Потап. – Да и без моей помощи вы погост не найдёте. Я вам вот как посоветую сделать. Сейчас мы туда вместе с вами сходим. Но серьёзными поисками вы уж лучше займитесь завтра. Прямо с утра и займитесь, как петухи пропоют. А после шести вечера ничего у вас не получится.

– Это почему же?

– Не спрашивайте. Впрочем, по дороге я вам, пожалуй, и

расскажу.

Арсений Михайлович оказался прав – сам Артём, как бы подробно ни описывали ему дорогу к погосту, не смог бы туда добраться не заблудившись. Почти весь путь пролегал через лесные тропы, известные одному Потапу, потом упирался в болотистые низины, где нужно было знать броды. Арсений Михайлович вооружил Артёма резиновыми сапогами и дождевиком и предупредил, чтобы тот внимательно смотрел под ноги, дыбы случайно не наступить на змею.

Вообще, Арсений Михайлович как-то не вписывался ни в свой физический облик, ни вообще в атмосферу деревни. Он разительно отличался от Филиппыча. Говорил иногда слишком литературно, обращался на «вы», движения его были уверенны и плавны, несмотря на всю нелепость несоразмерной фигуры. Он мог излучать радушие, но иногда взгляд его делался настолько твёрдым, что Артёма пробирала дрожь. Если бы времени на отстранённые разговоры имелось чуть больше, то он непременно расспросил бы этого мужчину о его жизни, о том, как он вообще умудрился застрять в этой тмутаракани и что продолжало его здесь держать, помимо отсутствия достаточных для переезда средств. Впрочем, этот последний пункт был под большим знаком вопроса после того, как Артём внимательно присмотрелся к посуде. Кто вообще ест варенье серебряными ложками и пьёт чай из двухсотлетнего фарфора?

– Полно их тут, – прервал его мысли Потап. – Гадюки. Здоровенные кобыляки. Так-то не агрессивные, зря не укусят, но если, не дай бог, наступишь...

– Как же тут хоронили-то раньше? – удивлялся Артём. – Неуж гробы через все эти буераки тащили?

– А пирамиды египетские как строили? – то ли всерьёз, то ли шутя сказал Арсений Михайлович. – Люди раньше крепкие были, не чета нынешним. И ценности не бутафорские, как теперь, почитали.

– Вы серьёзно?

– Да шучу конечно, – усмехнулся Потап. – Дорога тут раньше была прямая. Болото заканчивалось чуть дальше. Даже церквушка недалеко от погоста имелась. Старообрядческая. Говорят, что веке в тринадцатом и монастырь построили. Кладбище это монастырю и принадлежало. Но потом монастырь этот будто бы под землю провалился. Исчез в одночасье.

– Опять шутите?

– Нет. Я серьёзно. Овраг на том месте теперь. Он чуть левее этой тропы. Так и называется – Монастырский. По дну течёт жиденький ручеёк. А на одном из склонов есть что-то вроде пещерки. Зачарованным гротом ту пещерку в народе прозвали.

– Звучит поэтично, – вставил Артём.

Потап хмыкнул.

– Говорят, – добавил он, – что в этом гроте мёртвые жи-

вают.

– Что?

– Ну, это я добавил для пущей поэтичности.

– Не пойму я, Арсений Михайлович, когда вы шутите, а когда всерьёз начинаете говорить.

– Про Зачарованный грот тоже была не шутка.

– Интересно тут у вас. А на первый взгляд и не скажешь.

– Это раньше интересно было. А теперь что. Тоска.

Небо над верхушками сосен снова затянулось тучами. Заморосил дождь. Чем ближе подходили к погосту, тем плотнее становилась туманная позёмка, так что даже если бы на пути попалась гадюка, то увидеть её было уже нельзя. Арсений Михайлович вооружился длинной палкой и ворошил ею перед собой траву.

– Здесь всегда так, – сказал он. – Чем ближе к кладбищу, тем плотнее марь. Не поверите, но даже в солнечный день земля тут будто горит.

– Поэтому после шести вечера сюда лучше не соваться?

– Да не только. Туман-то, он и с утра плотный. Тут дело в другом.

– Расскажите?

– Проклято это кладбище. Вот и весь сказ.

– Проклято? Это как же?

– Ведьмино оно.

– Не томите, Арсений Михайлович. Заинтриговали.

– В царские времена, за полвека до революции, посели-

лась на окраине деревни ведьма. Обычное дело тогда. Травками лечила народ, болезни заговаривала. С дочкой жила. Без мужа. Дюжая баба, хоть и молодая, чуть больше тридцати лет. Одна со всем хозяйством справлялась. Но в один день взяла да и померла. Похоронили. Всё чин по чину, правда, камешком на всякий случай могилку её припечатали, чтобы народ лишний раз не боялся, что восстанет из мёртвых да начнёт мстить. Ведь смерть-то её безвременная не известно по каким причинам случилась. А дочку девятилетнюю местный барин к себе в поместье забрал. Позаботиться обещал, потому как куда ребёнку-то одному. Девчонка эта очень уж смазлива была. Особенной красоты, не крестьянской, да и вообще, думаю, неземной...

Арсений Михайлович замолчал, остановился и устало опёрся на свою палку. Каким бы крепким он ни казался, но годы своё брали, а идти по мшистой болотистой почве, спотыкаясь о торчащие тут и там корни, было не так просто.

– Уж не знаю, правда ли это, – снова заговорил он, продолжив путь, – полагаю, что напраслину на помещика навели... Но люди будто прознали, что с этой сироткой барин обходился не по-людски. Наложницей своей сделал. И однажды девочка от него сбежала. Расстроился помещик, запил. А потом гнев его обуял, да как пошёл он шерстить все свои угоды помещичьи, что много кому от него досталось. Вплоть до смертоубийства. А времена тогда уже смутные начинались, народ и без того всё чаще на вилы поглядывал. А тут дело

вроде как справедливое – помещика, злобой и страстью обуянного, на место нужно поставить. Взбунтовалась наша деревня, собрала всех мужиков, которые в силе, да и нагрянула к помещику в гости. Слово за слово – и закончилось тем, что повесили барина на берёзе, а рядом с ним и друга его, художника, гостившего в тот день в поместье и решившего за товарища заступиться. А потом и само поместье сожгли. Дошли эти новости до городской управы, пожаловали, как водится, казаки, сгребли всех виноватых и невинных и на каторгу, надо полагать, утащили. Когда погибших от казачьих шашек хоронить привезли на кладбище, то увидели, что могила ведьмина вскрыта, а гроб пуст. Вот с тех пор тут больше никого и не хоронили. Даже при советской власти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.